

Максимилиан Кравков

ЗАШИФРОВАННЫЙ ПЛАН

КОЛЛЕКЦИЯ
Военных
Приключений

Коллекция военных приключений

Максимилиан Кравков

Зашифрованный план (сборник)

«ВЕЧЕ»

Кравков М. А.

Зашифрованный план (сборник) / М. А. Кравков —
«ВЕЧЕ», — (Коллекция военных приключений)

В непростое время живут герои остросюжетных произведений Максимилиана Кравкова, опубликованных в этой книге. Их обжигает пламя Гражданской войны, им приходится вставать на пути банд, стремящихся порушить только что установленную мирную жизнь. Но и когда братоубийственная бойня уходит в прошлое, встречаются те, кто всеми способами пытается прибрать к рукам никогда им не принадлежащее. А значит, каждому человеку нужно сделать выбор — порой самый главный в жизни.

© Кравков М. А.

© ВЕЧЕ

Содержание

Зашифрованный план	6
Глава первая	6
Глава вторая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Максимилиан Кравков

Зашифрованный план (сборник)

© Кравков М,А. 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

Зашифрованный план

Глава первая

1

Говорит мне Иван Григорьевич – старый десятник приисковой конторы:

– Достать бы нам эту тетрадку, и были бы мы с тобою, Сергеевич, первые люди по здешнему прииску!.. Была она в красной сафьяновой корке. И запомни еще, золоченая буква «Р» отпечатана у ней на переплете...

За окном – ночь, просветленная снегом. В комнате нас двое. Сидим в полушубках и шапках. Иногда подходим к железной печке, достаем уголек для прикурки.

Стол мой завален листами чертежной бумаги и полуразвернутыми картонами планов.

Я принимаю архив разведки. Керосиновая лампа озаряет наши головы, одинокие в просторе мрака. В облаке теплого красноватого света мы одни в покинутом на ночь доме.

– В сафьяновом переплете? – машинально переспрашиваю я, любуясь картой.

Сделана она с большим мастерством. В нашем, тысяча девятьсот двадцать четвертом, году так еще не научились делать. Точность, изящество!.. Плотный ватман не пожелтел за годы. Акварель положена чудно!..

Эта карта и напомнила Ивану Григорьевичу о таинственной тетради в красном сафьяновом переплете. Еще в царское время видел он ее у золотопромышленника Рудакова, которому принадлежал тогда разрабатываемый нами теперь прииск.

Интересная карта! Это план огромной разведки... Немало, вероятно, было потрачено на нее и времени, и денег.

– Буринда это, не иначе, – убеждает меня Иван Григорьевич. – Рудаков ведь четыре года ее шурфовал!

Я пожимаю плечами. Трудно что-нибудь сказать. В отличие от обычных карт эта совсем нема. Даже нет названий речек. Через лупу я отыскал только одну полустертую карандашную надпись – над каким-то ручьем – «Торбалык».

Принято, что шурфы, изображаемые на картах квадратами, красятся красным, если содержат хорошее золото, и желтым, когда только обнаруживают следы металла. Пустые шурфы не закрашиваются вовсе.

Здесь же все квадраты однообразно залиты синею тушью, и у каждого свой номер.

Пояснений никаких – полная тайна!

У меня нет оснований особенно интересоваться этим планом, но Иван Григорьевич настаивает. Любит он всякие тайны!..

– Где река Торбалык? – спрашиваю я.

Брови Ивана Григорьевича, округляясь, поднимаются над прищуренными глазами. Широкое лицо с красноватым носом и седыми отвисшими усами клонится набок.

– Не слыхал, – говорит он тихо. – Может быть, не у нас?

– А может быть, и план-то нездешний, Иван Григорьевич?

– Рудаковский план, – продолжает настаивать старый десятник. – Я тебе говорю, что это разведка Буринды... Река-то на полдень течет, вот и на плане эдак же...

Он начинает волноваться.

– Хитрый, дьявол, какой! Увез объяснение и всю работу похерил...

Я откладываю немую карту в папку с пометкой «Неизвестные».

Уже с месяц, как я вожусь в конторе, стараясь привести в порядок дела разведки. Явились мы сюда с поручением треста. Каждый работает на своем участке. Мы – это новый управляющий, инженер и я. Работаю я здесь в качестве топографа и горного техника.

Прииск возглавляем мы трое. От треста у нас задание: поднять производство, упавшее до немногих процентов довоенного промысла.

С начала Гражданской войны сюда никто до нас не заглядывал. И жили здесь старожилы, и работали как бог на душу положит – серо, уныло, непроизводительно.

С нашим приездом прииск ожил. Приискатели расшевелились. Стали рождаться предложения. Вспомнились старые, неосуществленные проекты.

Я счастлив, что набрел на Ивана Григорьевича. Кем только он не работал на приисках! И конюхом, и забойщиком, и разведчиком.

Много видел Иван Григорьевич людей – и малых, и знаменитых. Мне он называл фамилии известных ученых, некогда приезжавших в эти края. Служил он им всегда неизменным проводником.

После революции старик стал десятиничать при конторе. Знает он свое дело очень хорошо. А лучшего указателя по району и не сыщешь.

Иван Григорьевич вечно ищет работы и людского говора. Когда он один, то всегда грустит. Это у него с тех пор, как белые убили сына. К каждому новому человеку, если он хоть немного напоминает погибшего, старик быстро и крепко привязывается.

Вот и мне он говорит, что я такой же высокий и с таким же сухим и открытым лицом, как у покойника Васи. Только волосы у него были черные, а мои светлые...

Я хмурюсь. Неловко чувствуешь себя перед открытым человеческим горем, которому не можешь помочь.

– Не идет у меня из башки рудаковская книжка! – говорит на прощание Иван Григорьевич.

2

Над горами, над ярусами зеленых пихт висит беспросветная серая пелена. Она срывается иногда облаками метели, и тогда будто рушится само небо, рассыпанное в снежинки.

По белым корытам речных долин укатились гладкие дороги. Но перебивается еще на тепло погода и черным мерцанием дрожат незастывшие полыньи.

Мы едем с нашим инженером уже пятый километр, а старая разведка все еще не кончается.

Через всю долину Буринды, от берега к берегу, через ровные промежутки, зияют провалами старые ямы. Это – шурфы. Ими определяли золотоносность долины.

Каждый шурф в свое время сулил надежду, приносил или радость, или разочарование. Теперь это просто ямы, в которых по неосмотрительности можно сломать себе шею.

Я волнуюсь. Недаром, не зря на таком большом расстоянии расшурфована долина!

– Может быть! – соглашается инженер.

Мы подъехали к речонке Тее. На ней когда-то стояла рудная фабрика. Теперь из сугробов снега торчат только несколько маленьких домиков.

Тут мы встретили небольшую артель золотоискателей. Люди без плана растерзали под снегом землю, кое-как раскидали желтые и черные комья... В печуре, без всяких крепей, копался чумазый парень.

– Вас же задавит! – ужаснулся инженер.

– Третий год работаем – не давит, – угрюмо пробормотал один из артельщиков.

Люди смотрели исподлобья, недружелюбно. Ишь, дескать, птицы какие! Приехали – и сразу распоряжаться!

– Десятник! – позвал инженер. – По-твоему, как, правильна эта работа?

Инженер глядит в упор, ответа ждет настойчиво. Десятник долго моргает, потом сознается:

– Нет...

– Завтра же крепь поставьте!..

Видно, что людям не хочется этого делать. Лишние хлопоты, лишнее время... И так бы обошлось! И все же через досаду свою они молча выслушивают распоряжение инженера, потому что, знаю, тоскуют в душе по руководству.

Мы проходим по хаосу разрушения. Краснеет в снегу ржавленными пятнами котел локомотива. Он завалился набок, оброс кустами. Точно зверь лесной, безвестно издохший в трущобах, дотлевают он под зимним небом.

– Безотрадное у меня впечатление, – говорит инженер. – Сколько мест мы с вами проехали, а видели вы хоть один объект, который позволил бы развернуть настоящую работу? Нет? Ну и я не видел! Так, обглодки остались. Не будет здесь толка...

Я возражаю:

– Как вы можете утверждать без разведки?

Но инженер упрям:

– Я о нынешнем дне говорю. Выручить прииск может только особый случай, который даст возможность немедленно черпать металл... Об этом я и сообщу тресту!

Мы устали и начинаем раздражаться.

Вечереет. До сна надо поговорить еще с артельщиками. В одном из домиков собирается с десяток людей. У всех настороженные взгляды. Что-то расскажут новые люди?

Не умеет мой инженер зажигать народ! Правильно говорит, и дельно, но скучно. Не открывает он обнадеживающих перспектив! И у меня только одни митинговые слова получаются...

Слушают хмуро артельщики, и чувствуется, что нет у них к нам должного доверия.

– Все это так, – говорит, поднимаясь, один из рабочих (руку он заложил за борт пиджака, смотрит в незримую точку), – но все это не главное. Главное вы, товарищ инженер, придержали. Рабочие золото найти не умеют. А знают, что оно есть...

– Есть! – убежденно поддерживает его собрание.

Вместе со всеми хочется крикнуть и мне: «Есть!»

– Пора нам помочь, – укоризненно продолжает рабочий, – потому что который уж год мы прииск позорим и хлеб советский задаром едим! А движения нет. Тот потолкует, другой расскажет. А мы как сидели на старых отвалах, так и сидим. Дайте нам новую россыпь, товарищ инженер!

Видно, что инженер задет за живое. Он отвечает сердито, будто собирается ринуться в драку.

– Хорошо! Люди вы местные, ну-ка, выкладывайте! Где, по-вашему, в первую очередь разведку поставить нужно?

Молчат. Вопрос прямой. Сразу на него и не ответишь. Выручает десятник.

– На Буринде, конечно! Наши родители уши об ней прожужжали. Ручались, что золото богатейшее. Разве даром ее Рудаков шурфами избил? Ему революция не дала, а то бы во какое здесь дело раздули! А мы в одиночку, понятно, не можем...

– Согласен! – успокоившись немного, говорит инженер. – Завтра, десятник, иди в шурфовку! Воды не боишься?

– Будет вода! – гудят голоса. – У самой-то речки? Как же не быть!

– Я тоже думаю, – замечает инженер. – Так вот, справитесь без насоса?

– Какая же без насоса работа!

– Но нет же насосов на прииске, сами вы знаете! – кричит инженер, и голос его трепещет от обиды. – Все ведь растащили!.. И сапог тоже нет. В ботинках ты в шурф не полезешь? Вода в ноябре не шутит!

– Не полезешь! – подавленно соглашаются артельщики.

Инженер поникает от тяжести своего бессилия. Продолжает он уже тихо, устало:

– Не могу я очки вам, ребята, втирать. Не могу обещать, что завтра же заработают машины... Достанем средства, выпишем оборудование, тогда увидим... А пока вот чего – приберите-ка мне к месту локомобиль и трубы...

Мы победили. Но нерадостна эта победа. Даже стыдно смотреть в глаза рабочим – так мы слабы еще.

Но золото все же есть, думаю я, и вспоминаю о Торбалыке.

– Товарищи, где река Торбалык?

Рабочие переглядываются, думают... О Торбалыке никто ничего не знает.

3

Вчера неожиданно-негаданно к нам прикатил арендатор-концессионер, с письмом из треста.

В письме сказано, что так как сами мы затрудняемся «в кратчайший срок сделать прииск достаточно доходным, то на известных условиях территория его может быть передана в аренду гражданину Максакову...».

В письме приведены также пункты, по которым может состояться сделка.

Узнал я об этом от Ивана Григорьевича. Чуткий нос его быстро пронюхал новость.

Встретив меня в коридоре, он хитро сощурил глаза и невесело спросил:

– Бают, новый хозяин приехал?

Меня взяла досада. Поторопился инженер со своей оценкой!

В кабинет меня позвали для разных справок. Максаков выглядел крепким, рослым мужчиной. Сидел он на стуле и, развалясь, курил толстую папиросу. На темном, как у цыгана, и пьяном лице его играла сладкая улыбка. Казалось, всем он рад, для всех любезен. Так приятностью и сверкает!

– Арап! – толкнул меня под бок инженер.

– Ну, арап или нет, а обеспечение представил, должно быть, солидное, если трест согласился иметь с ним дело...

Управляющий наш деловито-вежлив. Партийной дисциплинированности от него не отнимешь. Что частный капитал допущен сейчас временно для возрождения производства – усвоил хорошо и что тут нужна особая, большевистская тактика – тоже.

Инженер, как мне кажется, обескуражен. Ему, может быть, стыдно за техническую нашу несостоятельность, и именно сейчас, когда она подчеркнута приездом Максакова.

Арендатор привез с собой карту. На ней отмечен большой участок, который он и собирается получить в аренду.

Я изумляюсь. Для этой площади мы почти не имеем разведочных данных! Не знаем запасов...

– Но позвольте, – я тяну к себе карту и начинаю понимать.

Вот что! Туда вошла река Буринда! Но все-таки, что может знать он об этой речке?

Максаков говорит солидно, стараясь держаться с достоинством:

– Я старый золотопромышленник. В Ленинграде, в тресте, меня отлично знают. Мне предложили материалы по нескольким районам, я выбрал ваш. У меня есть нюх и смелость к риску! Может быть, заработаю... А провалюсь – значит, заплачут мои денежки... Прииск

я обстрою, оборудую. Когда аренда кончится, все останется вам... Свою выгоду я понимаю хорошо и ссориться с государством не намерен... Ну... и опыт кое-какой имею...

Максаков добродушно смеется. Я не верю в этот смех. Мне кажется, что этот делец высокомерно презирает нас с высоты былого своего величия. И презирает, и боится... У меня появляется к Максакову неприятное чувство, загорается неприязнь.

– Изложите ваш план, – хмуро говорит инженер. – Поглядим, какой у вас опыт!

Я благодарно взглядываю на него – хорошо сказал, без церемонии!

Арендатор, однако, словно не заметил недружелюбного тона инженера.

Он по-прежнему добродушно улыбается.

– Да с удовольствием! Без планов я – спекулянт!..

Подо мною крикает стул. Управляющий укоряет меня глазами.

– Итак, граждане, – начал Максаков, – как вы видите, я интересуюсь наиболее выработанными площадями. Удивительного в этом ничего нет, потому что я собираюсь перековырять отвалы... Да-да! Старые громадные отвалы, в которых, конечно, осталось достаточно золота! Не ожидали?

Я прислушиваюсь. Любопытная мысль! Не откажешь ей в расчете. Золота в отвалах, конечно, много. И если уметь, то работу можно поставить легко и просто.

– Мною, – продолжал Максаков, – выбран такой участок, где старые работы особенно густы. Там отвалы на каждом шагу. А в середине участка проходит река Буринда. Не выкинешь же ее из плана? А потом, если будем здоровы да живы, мы и по этой долине разведочку проведем. Для прииска будет полезно...

Инженер смущен. Он не возражает и что-то записывает в блокнот.

Мы переходим к пунктам предполагаемого соглашения.

Перед обедом Максаков просит ознакомить его с чертежами и планами, относящимися к облюбованному им участку. Я советуюсь с управляющим. Подумав, он тихо напутствует меня:

– С этим будьте особенно осторожны. Он может нас здорово облапошить! И отказать нельзя! В этом и смысл аренды, чтобы поднять производство, чтобы больше добыть золота. Куда же он денется без необходимых материалов?

Действительно, положение щекотливое!

Планы мы показываем Максакову вместе с Иваном Григорьевичем. Арендатор жадно набрасывается на документы. Он буквально ложится на стол, широко расставив локти.

Я пробую объяснять, но сразу же чувствую, что это совсем не нужно! Максаков быстро разбирается сам, оценивая материалы с одного взгляда.

В тишине резко шуршит перебираемая бумага. Тихо вздыхает Иван Григорьевич. Арендатор отбрасывает одну папку за другой.

«Нет, – думаю я. – Так документы не рассматривают. Уж слишком быстро, уж слишком уверенно! Безусловно, он что-то ищет».

Добродушное и веселое лицо арендатора сереет, становится скучным. Он, видимо, разочарован. В глазах появляются жесткость, в голосе недовольные, почти сердитые нотки. Чего особенно церемониться с нами! Один топограф, а другой и вовсе – мужик-десятник...

– А еще? – спрашивает он, отбрасывая последнюю папку.

– Больше нет ничего!

– А вы поищите получше!.. А эта папка?

Черт побери! – Максаков указывает на папку с надписью «Неизвестные». Я накладываю на нее руку:

– Это не относится к участку!

Иван Григорьевич отчаянно давит под столом мою ногу. Максаков вспыхнул, потянулся всем телом:

– Все равно дайте!

Я спокойно бросаю папку обратно в шкаф и с удовольствием выговариваю:

– Вы пока еще здесь не хозяин!

Максаков краснеет, шумно поднимается из-за стола, но, сдержавшись, обиженно произносит:

– Странно!

Скрипучим, тяжелым шагом направляется Максаков к двери. Уходя, пожимает плечами:

– Очень, очень странно!..

4

Тихо в тайге. Ниже и ниже спускается плоское небо, серое, без теней. Мороком оно медленно наваливается сверху.

В безветрии цепенеют пихты. Зачарованно дремлет хвойный лес. В ушах начинает звенеть от глубокого, всепроникающего безмолвия...

Я прошел сегодня на лыжах многие километры. Сегодня мой день – свободный. Спустившись на узкую речку, впадающую в Буринду, я попал в березняк. Желтыми лоскутами висят на ветвях неопавшие листья. Через снег проступает щетина иссохших трав. Мягкими, ватными ямками значатся по ночной пороше заячьи следы.

В одном стволе моего ружья дробь на рябчика, в другом – картечь. Не последнее дело подстрелить себе на обед дичину!

Живу я бродягой. Один-одинешенек. Питаюсь в столовой, невкусно и однообразно.

Я трогаю лыжи. Иду как по шелку. Шуркает камыс¹ легко и скользко.

Вдруг впереди от куста отрывается белый комок и шаром мелькает среди травинок. Я сдерживаю ружье. Не глядя, поднимаю курок.

Хлопает выстрел. С ним паром подымается дым... Попал – лежит!

Я бросаюсь, как зверь. В такие минуты всегда дичаешь. За уши я поднимаю крупного, матерого зайца. Ого! Вот это удача!

Переваливая гору, я задыхаюсь. От долгой и быстрой ходьбы стало жарко. Останавливаюсь передохнуть. Кругом – роскошный простор. Один за другим ступенями тянутся к туманному югу длинные, синеватые хребты гор. Далеко за ними, как головы сахара, угрожают и манят неприступные гольцы-таскылы.

В глубокой, как ковш, котловине я делаю привал. Сбиваю с горелого пня боярскую шапку снега, сажусь и вытаскиваю свой альбом.

Немножечко я художник. Я остро люблю краски. Меня настраивает запах терпентина и макового масла. Тогда мне хочется проглядеть насквозь природу и увидеть в ней недоступное для простого глаза. Но это редко – в часы досуга.

Сейчас, в очарованной тишине, шуршит по картону карандаш. Красные серьги висят на кусте калины. Из снега показывается полевой мышонок, перекачивается пушным клубочком. Откуда-то вспархивает на сушину зеленый дятел. Дробно срываются в тишине рассыпающиеся стуки. Вдруг я резко вздрагиваю... Сзади стоит человек. Он точно вырос из-под сугроба.

Человек добродушно смеется. Это охотник-шорец.

– Э-э, знакомый! Василий Семенович!

Его желтое, смуглое лицо все в морщинах. И глаза, как морщинки, – узкие щелочки. На подбородке седой клочок волос... С его древнего и лесного лика на меня глядит Восток...

¹ Камыс – шкура с ног оленя, которой, мехом наружу, обтягивают скользкую поверхность охотничьих лыж.

Я протягиваю папиросу. Он берет охотно. Не снимая лыж, присаживается на корточки. Василий Семенович – старый и знаменитый медвежатник. У него и сейчас за плечами винтовка на сошках. В граненый ствол ее свободно входит мой палец. Старик одобрительно кивает на зайца.

– Убил? Ха-ха... Хорошо!..

С любопытством Василий Семенович смотрит на мой рисунок. Он остро приглядывается и вдруг громко и довольно хохочет.

– Узнал, Василий Семенович?

– Все, все узнал! Ха-ха! Это – Буринда! Это, с правой руки, Мулук. По левую – Торбалык-Су.

Су – это по-шорски вода. Но... Торбалык?.. Я вскакиваю от осенившей меня мысли.

– Как Торбалык? Приток Буринды?!

Василий Семенович кивает утвердительно:

– Ага! Ага! Старые люди так звали, наши, шорские люди. А русские – Торбалык Теей зовут...

Так вот оно что! Значит, мой план безымянной разведки действительно план Буринды. Какое великолепное открытие!

5

Арендатор все еще здесь. Я не знаю, как решило поступить начальство. У меня очень много работы, и я забываю о его присутствии. К весне мы должны организовать разведочные операции, и мне нужно учесть потребность в деньгах, инструментах и людях. Кроме того, мне поручили спроектировать план. Я беспрерывно езжу по точкам и совсем оторвался от конторы.

Сейчас я брожу по долине Теи. Берегами ее тянутся плосковерхие горы старых отвалов и бесконечные насыпи когда-то отмытых галек, перемешанных с глиной и песком.

Ребятишки роются в этих грудях и нередко приносят порядочные золотишки.

Мы считаем отвальное золото пустяком, а сметливый арендатор уже подсчитывает барыши. Досадно!

Еще мало у нас заинтересованности в производстве. Подал рабочий в известное время нужный объем земли – и баста, получай паяк. А есть там золото или нет – дело десятое, контора пишет, она и знает! Много сейчас на прииске ненормальностей... Мои думы обрывает чей-то оклик:

– Здорово, товарищ техник!

Вот встреча! Это, оказывается, Максаков. С группой старателей он возится у отвала. Берет, вероятно, пробу.

– Здравствуйте, – говорю я и подхожу ближе.

Мороз не шутит, вода ледяная. А Максаков в коротеньком полушубке, расставив толстые ноги, отбивает кайлой породу. С грохотом сыплется она в подставленный лоток. Натуживаясь так, что даже щеки краснеют, арендатор подымает лоток и бежит с ним к ручью.

Невольно хочется посмотреть. Уж очень уверенные у него движения. Я останавливаюсь.

Рукава у него засучены. Породу он перемешивает в воде голыми руками, потом молодецки встряхивает лоток, сбрасывает пустые камни. Полощет долго, опять встряхивает. В лотке остается один черный шлик. Тогда он слегка плескает водицей, шутя наклоняет лоток – шлик разбегается. В лотке блестит золото... Ловко! Прямо как фокусник.

Максаков знает, что здорово вышло, и весело смеется, потирая остуженные пальцы.

– Ну и моете вы! – одобряет его один старатель. Улыбаются и другие.

– Этаким вот, – поднимает Максаков над снегом ладонь, – без порток по приискам бегал. Пора научиться!

Знает он дело. Этого не отнять. И действует, разумеется, на зрителей. Его слушают, и просьбы его уже звучат приказами.

Меня трогают за плечо. Отзывают в сторонку. За отвалами дожидается человек. Узнаю его издали. Это тот, что беседовал с инженером, Бахтеев, язвительный спорщик.

Он идет мне навстречу. Без всяких предисловий, пытливо всматриваясь в мои глаза, Бахтеев значительно говорит:

– Вас Иван Григорьевич просил поспешить на прииск... Очень нужное дело.

В словах его слышится доброжелательство.

– Хорошо, сейчас поеду, – тихо отвечаю я.

– Поезжайте! Нужное дело, – повторяет Бахтеев и кивает головой в сторону отвала. – Видали птицу? Совсем как хозяин! Я старый рабочий и должен сказать, – недаром все это!..

Я быстро иду к своей лошади. В голове рой мыслей... Чувствуется, что Бахтеев связан с Иваном Григорьевичем какой-то тайной. А сейчас и меня вплетают в узел. Это трогает и интригует...

Прежде чем я успеваю дойти до лошади, меня догоняет Максаков. Он отводит меня в сторону. Рука его ложится мне на плечо. Он говорит быстро, решительно:

– Владимир Сергеевич, человек я коммерческий и прямой. Откровенно скажу: свою выгоду соблюдаю! Сколько вы получаете жалованья?

От неожиданности я называю сумму.

– Так-с, – продолжает Максаков. – Мне нужен топограф и техник. Для начала даю вам вдвое. Идет?

– То есть как? – Я даже остановился. – Вы предлагаете перейти к вам на службу?

– А как же! – Максаков раскатывается своим добродушным смехом. – Все оформление я беру на себя. Можете не бояться!

Я смотрю пристально в его наглое, здоровенное лицо. Несколько секунд длится молчание. Кажется, что он начинает понимать мои чувства. Смех запинаясь и тухнет. Лицо Максакова багровеет:

– Ну чего вы на меня так уставились?.. Не хотите – не надо!

Он резко поворачивается и уходит, подергивая плечами.

– Враг! – говорю я сквозь зубы.

6

На прииске что-то случилось. Это я вижу по растерянным и недоумевающим лицам. Толком никто ничего не знает, но все насторожились и чего-то ждут.

Конюх, которому я возвращаю лошадь, тихо спрашивает меня:

– Перемены, говорят, товарищ техник?

– Ничего я не знаю...

В конторе праздное настроение. Сидят на столах, болтают. Один бухгалтер угрюмо перелистывает свои отчеты. Всегда приветливый, сейчас он едва отвечает на мой поклон.

В коридоре я сталкиваюсь с инженером.

– Вы приехали? Хорошо. Идемте-ка в кабинет...

Подогретое общим смущением, мое беспокойство возрастает уже в тревогу.

В кабинете обычная обстановка. Натоптано и накурено. Здесь целый день толкутся посетители. Сюда идут за каждой мелочью: из-за пары ботинок, из-за вороха сена.

Инженер запирает за собою дверь, словно подчеркивает необыкновенность событий.

– Итак, хотите знать новость? – многозначительно говорит он, когда мы усаживаемся, друг против друга.

– Ну?..

– Контора расформировывается, а наш прииск сдается в концессию целиком!

– Кому?..

– Максакову!..

Из моих рук на пол с грохотом падает кусок кварца, который я машинально взял со стола.

– Директива треста. Так, видимо, нужно!

Инженер разводит руками. Очевидно, он и сам не подготовлен к такому внезапному обороту дела.

– Впрочем, – продолжает он, – удивляться особенно не приходится. Можем мы дать в год столько золота, сколько запроектировал трест? Разумеется, нет!.. А Максаков берется... В чем тут дело – понять трудно... Может быть, на отвалы надеется? Но плохо ему будет, если он не выполнит договор – опишут его до ниточки...

– А черт с ним совсем! – срывается у меня невольное ругательство. – Противная у него морда!.. И думать о нем не хочется.

– Он – историческая необходимость, – криво усмехается инженер. – А мы с вами откомандировываемся в трест!

«Здорово! – думаю я, выходя из кабинета. – Не успел приехать и уже откомандировываюсь. Ну и арендатор! Втихомолку обстригал какое дело!..»

Во мне закипает буря. Взорванный острой досадой, я быстро иду в чертежную комнату. Отпираю шкафы с планами. Нахожу папку с надписью «Неизвестные» и решительно завертываю ее в газету.

В это время в комнату входят Максаков и управляющий. Арендатор уже осматривает помещения.

Я спешу уйти. Готов об заклад побиться, что Максаков подозрительно покосился на сверток, который я уносил.

Или, может быть, это мне так только показалось?

Вечером в замороженное окно моей горницы осторожно скребутся. Я знаю, что это Иван Григорьевич, одеваюсь и выхожу.

На улице – мороз. Кругом безлюдие, тишина. Редко взлаивает собака. Домики потемнели, стали как будто ниже, словно вдавились в снег. Скудным огнем светятся пятна окон... Редкие тусклые дыры в завесе ночи.

Что делают сейчас люди, спят или тоскуют?.. А может быть, под какой-нибудь крышей, как и мы, затевают необычайное? Кто их знает!.. Прячет думы свои ночной поселок...

Со двора мы идем в школу. Я ничего не спрашиваю. Во всем я положился на Ивана Григорьевича.

– Сюда!..

Мы заходим к Анисье Петровне. Она встречает нас у порога. В очках, в кружевной наколке на седых волосах, в руках клубок и спицы. Шаркая валеными туфлями, она проводит нас в темную свою комнатку с самоваром, с зеленой лампой, с полками книг.

Анисья Петровна – приисковая старожилка. Ей уже много лет, но она неустанно заведует школой. Седая ее голова всегда серебрится на женских собраниях.

«Значит, и она в сговоре! – думаю я. – Однако не ошиблись они, избрав меня поверенным общей их тайны! Мне, конечно, предназначена роль, и если она направлена непосредственно против Максакова, я постараюсь сыграть ее со всей нелюбовью к этому человеку и с достоинством...»

Едва мы усаживаемся за стол, как снова стучат. Я настораживаюсь. Обстановка конспирации действует.

Входит Бахтеев, потирая озябшие руки. Он почему-то конфузливо улыбается. Ну совсем он сейчас не похож на занозистого «агитатора» с речки Теи!

Час от часу становится интереснее... У этих людей все уже, как видно, сговорено заранее. Дело только за мной!

Заправилой, как видно, выступает Иван Григорьевич. Спаял нас этот немудрый старичонка!

– Голубчик, Владимир Сергеевич, – говорит мне просто старушка. – Помоложе вы нас да порезвее. И должны помочь... При мне в семнадцатом году бежал отсюда золотопромышленник Рудаков. До станций он не доехал: умер от сыпного тифа. Была с ним жена и приемная дочь Ириша, девчурка двенадцати лет. Возчики, что Рудаковых на станцию отвозили, после рассказывали, как все дело было... Одним словом, похоронила Рудакова мужа, собрала все вещи и уехала вместе с Иришей в Ленинград... От Ириши я вскоре открыточку получила. Писала она мне, что доехали они хорошо, и адрес мне свой сообщила.

Семь лет прошло с тех, пор. Больше за это время я от Ириши весточек не получала. Жива ли она, моя девочка, или нет – не знаю...

Анисья Петровна стала быстро вытирать набежавшие слезы.

– Понимаешь, Владимир Сергеевич, – сильно любила меня Ириша...

Анисья Петровна снова торопится вытереть слезы. Я с напряжением слежу за ее движениями. Хочется скорей знать – что же дальше? Нить рассказа где-то путается, и мысли мои беспорядочно громоздятся одна на другую.

Но вот Анисья Петровна снова продолжает рассказ:

– Когда Рудаковы взяли к себе Иришу, жила я с ними рядом. Вся жизнь их мне известна...

Жена Рудакова скучала, детей у них не было, поэтому и взяли они воспитанницу... Осталась Ириша сироткой, когда отца ее штейгера Макарова в штольне задавило...

Хоть и не плохо жилось Ирише у Рудаковых, никогда она меня не забывала. Все, бывало, забежит ко мне, пощечет. С самого раннего детства она ко мне привыкла. А уж до чего привязана была – и передать трудно... Все это я тебе, Владимир Сергеевич, рассказываю к тому, что, если жива Ириша, в нашем деле она нам очень полезной может быть... А теперь о главном. Дело-то в том, что увез с собой Рудаков материалы большой разведки по реке Буринде. Это я хорошо знаю, потому что много об этом шумелось на прииске...

Уложил он бумаги в сундук. Туда же запрятал и книгу одну в красненьком сафьяновом переплете...

Говорит старуха и при каждой фразе значительно головой кивает. И каждый раз подтверждающе взглядывают на меня Бахтеев и Иван Григорьевич. Лучше, дескать, парень, лучше слушай!

– На книге буква золотом отпечатана: «Р»... Знаешь нас, баб? Мы секреты любим! Так вот, жена Рудакова и шепнула мне на ушко, что муж за книгу эту полжизни отдаст. И дальше, глупая, рассказала, что как только вернутся они...

– Воротиться, гады, хотели! – вырывается вдруг свирепо у Бахтеева.

– Да ну тебя, погоди! – машет рукой старуха. – Так вот, как только, мол, вернутся, сейчас же Буринду станут работать, потому что золото там богатейшее. А уж где именно то золото, так про то в этой красненькой книжечке и сказано...

Вот, голубчик, Владимир Сергеевич, какая история!

Старуха положила мне на плечо свою руку. Я гляжу на нее и жду поручений...

– А теперь я добавлю, – говорит Бахтеев. Брови он нахмурил, вид у него суровый. – На прииске нашем для рабочего класса сейчас тревожное обстоятельство! Шепчутся по углам

ребята и, думаю я, недаром!.. Отвалами старыми арендатор глаза отводит. Метит же он в другое, прохвост, – в Буринду. Недаром он планы искал!

Бахтеев вскакивает и, волнуясь, начинает ходить по комнате.

– Неужели же классовому врагу мы должны россыпь отдать?! Ведь он, гад, выхватит из нее все богатство, а потом испоганит и бросит!

– Али не было случаев? – сейчас же поддерживает Иван Григорьевич. – На хищничестве капиталы наживали!..

– И думаем мы... – спокойно говорит Бахтеев, но я прерываю его и за него доканчиваю:

– Что надо найти тетрадь в сафьяновом переплете!

– Во-во! – с облегчением и восторженно заключают они оба.

Я наклоняюсь к столу, подавленный увлекательной тяжестью предприятия... Что же придумать?!

– Посмотри, – обращается ко мне Анисья Петровна, – вот книги, что остались от Рудакова. Должно быть, в сундук не ушли... Может, пригодятся?

Перелистываю. Книги по горному делу. На заглавной странице у каждой почему-то штамп «Розенфельд». Не нужны!

И опять тихо и взволнованно начинает говорить Бахтеев:

– Мы бы по партлинии к властям давно обратились. Да ведь не с чем! Арендатор и есть арендатор. Это все знают. И сейчас ему палки в колеса совать нельзя. На данном этапе он нужен... Но вот если он действительно рудаковские материалы имеет, а нас только за нос водит, – тогда другое! Тогда уж выйдет, что он обманом концессию получил, потому что богатую россыпь советскими силами выгоднее разрабатывать!.. Вот и надо раскопать эту штуку. Доказать нам надо... Берись-ка ты за это, Володя!

– Поезжай в Ленинград, – шепчет Анисья Петровна, – разыщи жену Рудакова и Иришу. Она уже большая теперь девушка, все понимает. У нее спроси о тетради...

– С женой помолчи, – советует Бахтеев. – Да и Иришу сначала узнай, чем она дышит, а уж потом говори. А если случится такое, что обе упрутся, тогда, понятно, к властям!

Отечески наставляет и Иван Григорьевич:

– Город ты знаешь, человек ты ученый. Отсюда тебя все равно выставляют, в чем же дело?

– Пятнадцать лет, как не был в Ленинграде, со времени ссылки... Но – поеду, конечно!

– Денег мы тебе собрали, – говорит Бахтеев. – Двадцать червонцев хватит?

– Денег мне, пожалуй, не надо, – отвечаю я. – У меня как раз двухнедельный отпуск, да за трестом зарплаты много! Ведь некуда здесь тратить...

– Нельзя, – гудят в один голос мои соучастники. – Дело артельное!

Широченные, совершенно нечаянные горизонты распахиваются передо мною! Я увижу жизнь, от которой был оторван долгие годы... Огромный город, новые люди!.. Заманчиво после снежных хребтов Алатау!..

– Я письмо напишу, – говорит Анисья Петровна, – там примут тебя, как родного!

Когда мы топчемся в темных сенях, отыскивая ручку двери, Иван Григорьевич беспокойно вдруг вспоминает;

– А где план?

Я прикладываю руку к боковому карману:

– Здесь!..

Когда я пришел домой, мне показалось, что кто-то был в моей комнатке. Замок у нее простой. Отпирается любым ключом, а соседи давно заснули.

Ну, право же, был! Залезал даже в ящик стола – готовальня заложена не туда, куда я ее обычно прячу!..

7

Итак, я уехал.

Сейчас я в нашем городе. Хлопочу, получаю деньги. Билет на ленинградский поезд лежит уже у меня в кармане.

Я в вихре действий. Бегаю, устраиваю свои дела, – целиком захвачен поездкой.

Проекты, один другого увлекательнее, воздвигаются в моем воображении блещущей пирамидой.

Отпуск свой я использую до последней возможности. Забираю даже свои этюды: может быть, при случае покажу их художникам.

Новые люди, книги, музеи, музыка – черт возьми, какой ошеломляющий водопад человеческих достижений ожидает меня! Но стержень всего – все же мое поручение. Оно – моя нить, вдоль которой я буду идти в страну чудес!

Между делом забегаю домой к старичку – горному инженеру, давнишнему моему наставнику в приисковом деле.

По своему обычаю он сидит и пишет. Увидев меня, обрадованно снимает очки. Когда-то мы много горя хватили вместе в научной экспедиции по горам Саяна.

– В отпуск отправились? Хорошо! Но за другое хвалить не могу...

– За что? – удивляюсь я.

– Что за история у вас с арендатором вышла? Он приехал и всюду кричит, что вы ему план какой-то не дали. И, знаете, даже больше! Он утверждает, что план этот вы взяли себе. Хочет возбудить дело. А может быть, уже и возбудил!

У меня невольно сжимаются кулаки. Я начинаю обстоятельно все рассказывать. Но о лицах, пославших меня в Ленинград, и о самом поручении не упоминаю. Представляю все дело как исключительно личную попытку, связанную с поездкой в отпуск.

Он слушает напряженно. Задумывается, когда я заканчиваю.

– Может быть, – осторожно соглашается старик. – От Максакова станет! Уголовщина раньше была делом обычным. Пустые площади продавали, – улыбается он. – Бывало, подсыпят золото в контрольные шурфы и продадут! Не то, что тетрадь какую-то упереть!

– А теперь, – окрыляюсь я его словами, – из ненависти к революции и подавно устроят!

– Не был ли этот Максаков в деле у Рудакова? – продолжает старик. – Как будто бы оба они из Ленинграда?.. Возможно, от Рудакова он и знал о богатстве Буринды. А о плане ему могли сообщить сотрудники вашей конторы. Ведь так?..

Я молча киваю головой.

– Положение, конечно, нелепое. У вас есть план, но нет описания, а у Максакова – какие-то сведения, но нет плана! И обе стороны бессильны...

Старик разводит руками, думает, а потом вдруг озабоченно предостерегает меня:

– Но вы рискуете. И серьезно рискуете, милый! Утайку документа Максаков представит как попытку сорвать у него работу...

– Пусть представляет, – упорствую я.

– Срыв его работы, понимаете сами, это срыв золотой программы. Придравшись к случаю, он недодаст государству металла, а виновником выставит вас...

– Мошеннику не поверят.

– Раньше попробуйте доказать. А он, несомненно, всю эту историю объяснит как кражу, совершенную вами в собственных интересах!.. Только горячиться не стоит, – удерживает он мое порывистое движение и добро смотрит поверх очков. – У вас в Ленинграде знакомые есть?..

– Ни души!

– Тогда я дам вам письмо к приятелю моему, доктору Корневу. Он очень хороший человек и во многом вам сможет помочь. Про меня расскажете... Разве в тамошний трест вам зайти? Попробуйте – вдруг рудаковские материалы найдете? Тогда сообщите, мы все оформим... Кстати, этот Максаков тоже интересовался ленинградским трестом...

На прощание этот добрый человек с серебряной головою крепко жмет мне руку...

Я бегу на вокзал...

Глава вторая

1

– Сказано вам, никаких Рудаковых здесь нет! Дом этот куплен машинотрестом, и живут в нем только наши сотрудники!

С этими словами человек в полушубке звонко захлопывает передо мною дверь...

Я спускаюсь по лестнице медленными шагами... Все еще не верится. Нет – и все! Уж слишком просто. Стоило ли приезжать, чтобы пламенное мое устремление, прочертившее тысячи километров пути, тупо расплуснулось о захлопнутую дверь!

Впереди пустота широкой и снежной улицы с одинокими пешеходами... Рассматривать город у меня нет желания.

Сегодня утром, при выходе из вагона, я думал о том, что могу не найти Рудаковых. И эта мысль ударила по нервам настоящим страхом. Именно сегодня, когда я стоял у начала! Раньше думалось об этом много проще.

Теперь для меня перестали звучать даже самые ощущения новизны Ленинграда.

И надо же, чтобы главный опорный мой пункт – рудаковский адрес – первым же лопнул, как мыльный пузырь!

Но нет! У меня остаются еще две зацепки. Я не сдамся без боя!..

Я направляюсь к первой зацепке – в адресный стол. По дороге льнут ко мне впечатления. Только дразнят сейчас и мешают. Тревога моя растет.

В людном и грязном зале адресного стола меня удивляют барабаны за барьером. Они набиты карточками бесконечных горожан. Весь город собран сюда – отвлеченный, спрессованный в пачки, статистически обработанный город.

С волнением я заполняю бланк. Жду. Барабаны кажутся колесами лотереи, а себя я начинаю чувствовать рискнувшим на большую ставку игроком... Как много могу я выиграть! Улыбнется мне фарт – и опять я счастливый путник в страну чудес!..

Проходит пятнадцать минут... Я проиграл. На бланке отметка, что Рудаковы в Ленинграде не числятся.

Что же мне делать? Спорить, но с кем?..

Я смотрю на часы. Служебное время еще не вышло. Отправляюсь в последний поход, искать последнюю зацепку. Иду в трест.

По мрачной, затоптанной лестнице поднимаюсь я к освещенной площадке. Рядом с дверью висит доска, на ней – расписание комнат.

На минуту задумываюсь – куда идти? Выбираю № 16. Это плановый отдел. Там я подхожу к горбатенькому человечку, еле видному из-за зеленой конторки.

Горбатенький пишет, высовывая кончик языка. На желтом лице его недовольная гримаса.

– Нет ли у вас в архиве каких-нибудь материалов по приискам бывшего золотопромышленника Рудакова? – робко спрашиваю я.

– Я же вчера вам сказал, что нет! – раздраженно отрезает горбатый, даже не взглянув на меня.

– Это ошибка. Я приехал только сегодня утром...

Горбатый вскидывает голову и смотрит на меня подозрительно. Потом он слезает с табуретки и быстро ковыляет к двери.

– Подождите немного, я справлюсь...

Во мне опять оживает тепло надежды, и в окна начинает заглядывать Ленинград.

Горбуна мне приходится ждать очень долго. Возвращается он в сопровождении какого-то рыжего человека, который сразу задает мне вопрос:

– Как ваша фамилия, товарищ?

Когда дело идет о документах по золотой промышленности, такой вопрос уместен, поэтому я доверчиво называю свою фамилию.

Записав ее в блокнот, рыжий убедительно говорит:

– В архиве что-то как будто есть. Мы попросим вас еще подождать...

Я, конечно, соглашаюсь и с благодарностью смотрю ему вслед. И вдруг цепенею... Когда рыжий выходит в коридор, перед дверью мелькает знакомое лицо. Он поспешно скрывается во мгле коридора. Но глаза мои фотографируют его моментально...

Максаков!.. Я и верю и не верю себе. Но это он, он!

Я растерянню озираюсь. В голове моментально рождаются мысли о недобром... Немного помедлив, я шагаю к двери.

– Куда же вы? Куда?.. – пытается остановить меня горбатый.

Он порывается даже бежать, но застревает между конторкой и табуретом.

Все острее чувствуя опасность, я волчьим, размашистым шагом прохожу коридор и выскакиваю на улицу.

2

Несомненно одно: я бит по всем пунктам...

В тресте меня, конечно, просто собирались схватить – по указанию Максакова. Вот была бы история! Ведь при мне был похищенный план Буринды... Однако угроза продолжает висеть надо мной. Надо что-то предпринимать.

Я решительно захожу на городскую станцию и покупаю билет на ближайший поезд в Сибирь. Он отходит через три дня.

Должно быть, я был рассеян, потому что из очереди меня окликнули: я забыл получить из кассы сдачу.

Но что же делать эти три дня?.. Ходить с отравой в душе и радоваться городу я, право, не умею! Каким тысячекратно более близким и родным мне кажется сейчас наш рабочий прииск! Я рассеянно брожу по улицам. Захотелось есть. Свертываю в первую попавшуюся общедоступную столовую.

В дверях столовой стоит человек с букетом алюминиевых ложек. Каждого входящего он наделяет этим оригинальным пропуском.

После обеда, двигаясь к выходу, я несу перед собою свой пропуск – ложку, как свечку. В дверях – заминка. Выйти хотят обязательно все сразу. Меня тискают, давят, и на улицу я еле выбираюсь.

Дома я обнаруживаю, что пуст мой карман, бумажник исчез. Там были деньги и, главное, удостоверение и справка!.. Счастье мое, что билет на поезд лежал в записной книжке. Там же оказался забытый червонец.

Сначала я негодную, но потом мне становится даже весело! Вот славное положение! Как говорится, кругом шестнадцать!..

3

...В Питере так же мерзнут руки, как и в моей Сибири. Особенно, когда они в худых перчатках...

Я спешу на толкучку, боюсь пропустить самый выгодный час.

Давно уже новый день. Давно один за одним обгоняют меня трамваи, и поет под ними железо.

Иду вслед трамваям упрямо. По дороге рассчитываю: два этюда... Если каждый по полтора рубля, то как раз хватит ровно до того момента, когда наступит срок моего билета, то есть на два дня... Денег у меня нет. Червонец не в счет. Он неприкосновенен – удостоверения тоже нет. Есть только база, ненадежная, как сыпучий песок, – моя квартирная хозяйка.

Плачу я ей рубль в сутки за угол в душной лампадной каморке.

Сегодня я совсем другой человек. Немножечко голодный и поэтому очень изобретательный и энергичный. Главное же – прожит мерзкий вчерашний день!

Близок Обводный канал, скоро и рынок. Уже встречаются его «передовые».

Краснощекая молодуха тащит граммофонную трубу и лукаво обещает своему спутнику:

– Я как заиграю... как заиграю!

Сейчас самый важный момент. Я подтягиваюсь, обдергиваюсь, точно кулачный боец. Крепче обхватываю свои этюды и впираюсь в движущуюся людскую гусеницу.

Меня сжимает, подталкивает и тащит вперед. Пробираюсь к краю потока. Там – кисельные берега. От коробов с горячими пирожками валит густой пар. Оборванец звенит протоптанной пяткой в медный зеленый чайник.

– Эй, налетай!

Над плотной толпой повисли многоголосые разговоры. Кого же мне выбрать для первого раза?

Вон дамочка в яркой шляпе, в каракуле, роется в золоченой посуде. Посуда на скатерти, скатерть на снегу.

– Простите, – говорю я мягко и с достоинством. – Не купите ли два этюда сибирского художника?

– Нет, – не глядя отмахивается она. – Разве из этого крана течет?

Далека она от искусства!

Я толкаюсь дальше, тру коченеющие уши и мечтательно думаю о теплой пивной.

– Английский галстук! Английский! – потрясает разноцветной тряпкой худой и высокий, как жердь, дядя.

– Нет, брат, – говорю я себе, – со скромностью далеко не уедешь...

Нацеливаюсь на жирного гражданина с хорошенькой девочкой. Он любит портретом Толстого. Решительно подхожу.

– Не, возьмете ли этюд Айвазовского? – нагло выговаривает мой язык.

– Ну... какой же это Айвазовский! – добродушно улыбается толстяк.

– Это? Нет! – быстро лавирую я. – Это натура – Ангара во время ледохода и вид Байкала. А... Айвазовский – дома!

– Красиво, папа? – говорит девочка.

– Сколько же вы за это хотите? – спрашивает толстяк.

– Четыре рубля... – лепечу я с замиранием сердца.

Веселый, чудный толстый гражданин молча достает бумажник. Ура! Теперь мне черт не брат!

Я победно пробираюсь через толпу. У меня не мерзнут больше уши. Я уже не продавец, а покупатель.

На снегу, как лужи, всякая дребедень. На платках, на скатертях.

Среди фарфора, подсвечников и кружев я замечаю груды технических книг. Подымаю одну – как раз по моей специальности. Я перелистываю страницы, и с последней синим оком глядит на меня печать.

Дыбом взвивается для меня весь базар!

В середине печати фамилия «Розенфельд».

Я глухо спрашиваю:

– Сколько?

– Рупь, – отвечает мне девушка с подведенными глазами. Я сую ей бумажку и высккиваю из толкотни.

Я еще и еще раз прочитываю фамилию, и в памяти моей оживает последний вечер на приiske, у Анисьи Петровны.

На рудаковских книгах, которые она мне показывала, был такой же штемпель! Я быстро возвращаюсь назад.

– Не помните ли, милая гражданочка, откуда у вас эта книга?

Она удивленно и холодно настораживается.

– Дело в том, – как можно веселее объясняю я, – что эту книжечку я подарил когда-то одной барышне...

Я плету дикую чепуху!

Девушка успокаивается, поводит чернеными бровями и слушает, прищурясь.

– Понимаете, мне хотелось бы разыскать мою знакомую...

– А может, я знаю? – игриво подзадоривает она и откровенно меня разглядывает.

– Красавица вы моя, ну, скажите!

Она хохочет.

– А вы сами откуда же будете?

– Я художник из Сибири.

– Ишь! – мотает она головкой. – Мало там у вас своих барышнев... – И задумывается. – Уж, право, не знаю, как вам помочь. Откуда книга? Разве упомнишь? Всякие продают. То ли Нинка Шустрова, то ли барон...

– Барон? – изумляюсь я.

– Ну да, барон Грингоф. Его все так зовут...

– А как же мне их разыскать? – говорю я с забившимся сердцем.

– Нинку – просто: на Лиговке она... Номер 34. А тот далеко (она называет адрес какой-то химической лаборатории). – Спросите там у швейцара... Только вряд ли он скажет. Незнакомых не любит, и немножечко полоумный...

На признательную мою благодарность кричит мне вслед:

– Ниночку обязательно повидайте. Хорошенькая она...

4

Какая прекрасная и удивительная случайность! Трижды благословенны вчерашние жулики, принудившие меня идти на рынок! К черту проклятый вчерашний сумбур, толкнувший меня на отступление.

Сейчас я по-прежнему чувствую крепкий заряд моих устремлений. Я иду вперед, я весел, я почти что счастлив!

Но с чего мне начать? Передо мною две тропинки – какую же выбрать?.. Пойду к Нине Шустровой!

Если и она такая же, как эта милая девушка с базара, то, пожалуй, к вечеру я узнаю что-нибудь об Ирине. А значит, и о тетради.

Случайно попавшая в мои руки нить уводит меня в лабиринты города. Здесь еще немало прошлого, неизжитого. В каждой улице кто-нибудь да воюет, тщетно воюет с победным, новым миром.

Я иду вдоль кирпичных, полузанесенных снегом лабазов. Названия улицы я не знаю. Прочитать полустертую надпись на дощечке невозможно.

Обращаюсь к встречному.

– Будьте добры сказать, как зовется теперь эта улица?

Подслеповатый человек ехидно смотрит на меня через старые очки и едко отвечает:

– Извините, гражданин, мы этим не интересуемся! Раньше как звалась – извольте, скажу... А теперь напротив должно быть!

Чувствую, протестует! По-своему борется с революцией...

– То есть как напротив?

– А так-с, – поясняет он. – Была, скажем, Опекунская улица, теперь Самодетельная-с! Или, положим, Ружейная, а нынче – улица Мира! Дамочка, дамочка! – перехватывает он прохожую. – Может, вы скажете, как теперь эту улицу величают? Вот им нужно. А мы, извините, этим не интересуемся...

И дамочка не знала, и извозчик не знал.

Милиционер, которого я разыскал, отдирает объявление, кем-то самочинно наклеенное на колонку. Боясь порвать бумагу, он трудился с такой бережливостью, что напомнил мне реставратора старых икон, снимающего пленку краски.

Он оказался верным ключом к обновленному городу, все рассказал – обстоятельно и толково.

5

Сгорбился домище. Точно мамонт какой-то, причудой случая уцелевший до наших дней.

Серый, шершавый, слякотный. Сырая нора ворот...

Трудно верить старой, слинявшей таблице, перечисляющей жильцов. Она, как скрижаль, висит в полутьме туннеля, под увядшим цветком электрической лампочки.

«Номер 34, – читаю я с трудом. – Исаак Давидович Шомпол...»

Женщина со злым, стиснутым лицом мне не ответила, только махнула рукой. Выручил мальчик с красным бантиком на куртке.

– Туда идите, в пятый этаж, налево...

Номер 34. Я постучал.

Снизу вверх на меня смотрит лицо еврея, лысого, в одной жилетке... Оборвется моя путеводная нить или нет?

– Исаак Давидович, – начинаю я.

Еврей нерешительно отступает, и я шагаю за ним в комнату.

– Мне очень надо на минуточку повидать Нину Шустрову.

– Хе! – ухмыляется он, поднимая бровь, и секунду молчит. – На минуточку вы хотите видеть Нину и не хотите видеть ее Ваську, с его кулаками и ножами?

Видеть Ваську мне решительно не хочется!

– Слушайте вы, молодой человек, – говорит еврей. – Вы сами не знаете, чего хотите!

– Напротив, я прекрасно знаю.

– Ну так я вам скажу, что она всегда бывает в «Олимпе» после десяти часов, за столиком. На ней такая шляпа, что вы ее из другого города узнаете. Синяя, с красным пером.

– Ну поймите, за каким чертом я потащусь в этот «Олимп», когда мне ее надо видеть сейчас и только на два слова?

– Ай! – досадливо морщится он. – Ну, какие два слова? Идите в «Олимп» и говорите ей хоть двадцать два слова! А сейчас дома нет, и до вечера она не вернется!

Опять неудача!.. С тяжестью в сердце выхожу на улицу. Значит, вечером предстоит «Олимп» – еще невиданный мною «цветок», распутившийся на нэпманском болоте.

«Олимп» и... Максаков! Есть что-то общее...

По дороге домой вспоминаю о письме к доктору Корневу. Старичок-инженер просил меня обязательно повидать этого доктора. Почему не зайти? Тем более что живет он совсем недалеко от моей квартиры.

У своих ворот морщусь. Как не вовремя потерял я удостоверение! Еще утром хозяйка приставала с его пропиской. Пришлось выдумать, что мой документ в учреждении, что его зачем-то будут обменивать на новый.

Хозяйка лежит на своем сундуке под ворохом рухляди, причитает и охает. Болеет старуха.

Я расплачиваюсь с ней за день вперед. Ей сразу становится легче.

Я спрашиваю о нашем соседе-докторе. Вру, что могу получить у него работу. Она оживает, рассказывает подробно все, что знает.

Он холостяк и очень добрый человек, и очень важный, и знаменитый, и не нужно пропускать такой случай, а надо идти сейчас же и просить по-настоящему, не как теперь – фырк да фырк, а по-хорошему, с поклоном...

Я нравлюсь моей хозяйке. Только удостоверение мое не дает ей покоя... У бедной старухи остались, по-моему, только два чувства – жадность и страх.

Я смотрю на темнеющее окно и сам себя ловлю – ведь жду. Жду десяти часов, «Олимпа»... Ах, если бы были со мной Бахтеев и Иван Григорьевич. Я так трагически одинок сейчас.

– «Олимп»! – говорю я вполголоса и морщусь.

– Ты что? – вопросительно смотрит на меня старуха.

– Пойду к вашему доктору, мамаша...

6

Каждая вещь смотрит на мир со своим выражением. Особое оно у хирургических инструментов, разложенных в шкафу. В их выражении своя значительная серьезность. И в запахе карболки тоже. Они в тон ученому докторскому кабинету.

А доктора я представлял совсем не таким. Он много толще, проще и к тому же в очках.

На столе у него белеет мраморная статуэтка – Ленин на охоте. Тоже не совсем обычно для старых и солидных кабинетов.

Я успеваю все это рассмотреть, пока он читает привезенное мною письмо.

Должно быть, он очень непосредственный человек. Перелистывая страничку, гудит сейчас же сдержанным смехом, от которого колышутся его плечи. Не стесняется постороннего!

Кончив чтение, доктор поворачивается с таким откровенным добродушием, что мне сразу становится очень хорошо.

– Порадовали вы меня весточкой от большого друга! Расскажите о нем подробнее.

Слушая, доктор наклоняет голову набок, иногда покусывает нетерпеливо ноготь, иногда, не глядя, нащупывает папиросу. У него сгорает спичка, он зажигает другую и не может поймать удобного момента, чтобы закурить, – так мешают мои слова.

Потом он долго расспрашивает о приисках, о Сибири. Довольный, веселый, вставляет свои замечания. Хороший он человек! Нет в нем растерянной меланхолии, нет ни злобности, ни убитости. Нашего времени он человек!

Я смотрю на часы – уже девять.

– Вы торопитесь? – спохватывается доктор. – И у меня ведь дела! – Он указывает на гору книг, придавивших диван. – Подбираю библиотеку для одного провинциального общества врачей. Все книгохранилища Ленинграда излазил... как крыса! Что делать? Общественная нагрузка!

Прощаемся мы очень тепло.

– Обязательно заходите, – говорит он, пожимая мне руку. – Запишите сейчас же мой телефон. Если нужно что, без всяких церемоний! Я считаю, что мы друзья.

...Ночные дома как скалы. Просекой в камне лежит улица. И завивается в ней голубым туманом даль...

Я еду туда, где кадрили электрических светлячков, где красные и зеленые стрелы прочерчивают грохочущий мрак. Воздушными кораблями выплывают огнистые трамваи и вспышками мигают автомобили...

Холодно. Стекла, оклеенные объявлениями, закутались в шерсть мороза. Со звоном, дребезгом, в толкотне и паре мчит меня вагон. Я тону в своих думах, поющих, как тихая музыка.

– Вечерняя газета! – лихо щелкает дверцей разносчик.

Невольно отвлекаюсь от своих мыслей и всматриваюсь в окружающие лица. Кто дремлет, а кто, как кажется, без мысли смотрит в окна, и все качаются.

Разные люди. Рядом сидит очень бледный человек в клетчатой кепке. Кусочки черных усов приклеились у него под носом. Он дремлет. Мне почему-то не верится в его сон...

Напротив меня – иностранец со смешливым птичьим лицом. О нем хлопочет знакомая девушка, учит по-русски.

– Не надо говорить «чистил руки», а «мыл»!

– О-о!

– Ну, скажите же что-нибудь.

– Папиросы, портной, едет!

Девушка хохочет. Очень доволен и иностранец, улыбаюсь и я.

– Проспект! – объявляет кондуктор.

Здесь мой «Олимп»!.. Со смутным чувством беспокойства вхожу я в стеклянные крылья вертушки у входа. В кармане еще раз нащупываю два последних полтинника.

«Вид, вид прежде всего! – думаю я. – Безмятежность, уверенность и чуть-чуть любезной наглости!

Первая – говорит, что ты при деньгах, второе – что ты гражданин со значением, а наглость... она почти всегда сопутствует в этих местах первым двум».

Ресторан расположился под цементными сводами в низких арках, словно в сточной трубе.

Перекресты табачных вихрей, шляпы и головы и столкновения лакеев. И вулкан оркестра, визжа, грохоча, извергается вверх, прямо в нависшие своды. Истошный рай!

В мои планы отнюдь не входило тотчас же занять себе столик и, бросив таким образом якорь, лишиться одного из полтинников.

Словно приглядывая место, проталкиваясь, извиняясь, я последовательно обхожу все закоулки гудящего зала.

Синяя шляпа с красным пером – где ты, мой маяк?!

Я занимаю столик на самом бойком месте – там, где лестница в гардероб.

– Бутылку пива, – говорю я официанту.

Рядом со мной уселись трое. Один с угловатым, точно из желтого камня, обитым лицом. Другой расплывшийся, чавкающий, вперемежку борода и мясо. Третьего, сползшего со стула, я не вижу за снопом бутылок.

...Краски передо мною линяют, шумная бестолочь становится скучной.

Время идет, а ее все нет и нет! Двенадцатый час. Дьявольщина, хоть за голову хватайся!

Неужели надул еврей? И пиво мое на исходе, и в мозг оно бросилось мрачным дурманом.

Но вот я срываюсь, со стула. Там, за шумным валом входящих, болтаются красным фонтаном перья. Вихрем я проношусь между столиками и направляюсь твердо к рампе, к огненному султану на синем черепа шляпки.

Она стоит спиной и разговаривает с подругой.

Я прямо, с ходу, говорю над ухом:

– Ниночка Шустрова?

Она с испугом оборачивается и вздрагивает.

Мне запомнились синие жилки на хрупких висках под нелепым взлетом окрашенных перьев.

Замедли я темпы своей атаки – и все пойдет прахом, – она попросту убежит! И я беру ее под руку с небрежной усмешкой. Она идет сразу, безвольно. Уже улыбается.

Мой второй полтинник и вторая бутылка пива!

– Здесь я не Нина, – говорит она тихо, когда мы усаживаемся. – Откуда вы знаете мое имя?

– Меня послала к вам ваша подруга, которая торгует на базаре...

– На базаре? – испуганно переспрашивает она. Недоверчивый взгляд обыскивает мое лицо. Она смотрит уже враждебно. Минута... и она бросается в толпу...

Все пошло прахом! Щеки мои пылают... Я бреду к выходу. У лестницы я вдруг замечаю Нину. Она сидит за столиком. К ней наклонился какой-то человек. Глазами она указывает ему на меня.

Я узнаю человека по черточкам фатоватых усов, по тюремной бледности. Узнаю недавнего своего соседа в трамвае.

7

Дома в Ленинграде как старые великаны-корабли. Кажется, что когда-то плавали они по всему миру, а теперь вот бесчисленным стадом сошлись сюда, на вечный якорь... Чем дальше я ухожу от проспекта, тем тише и строже становится их каменный строй, и за мной кувыркаются звуки моих шагов.

Улица расщепилась каналом. И дом разговаривает с домом через мерзлую Фонтанку шепотом заблудившихся снежинок. Они выются и льнут к тихо шипящим фонарям. И чем плотнее мрак улицы, чем гуще и чаще летят снежинки, тем одушевленное кажется мне сон домов в их ночной свободе...

Я иду один. Несглаженное еще временем, меня тяготит омерзительное ощущение. Точно я выкупался в помойной яме...

У меня остается последний шанс – полоумный старик.

Но теперь, когда меня поманила удача, я знаю твердо, что я не уеду и буду искать, искать!

В четыре простуженных горла тоскливую песню гудит перекресток. Никнут в метели чугунные винограды решеток. Они оцепляют засыпанный белым сад, а в нем, в середине, некто чугунный хлещет с высокого пьедестала снежными лентами.

Я жмусь, ускоряю шаги, вдруг слышу, что кто-то идет за мною.

Долго он шел, этот упорный, не отстающий спутник. И долго я собирался оглянуться.

Обернулся, когда вошел в подлунный зонт фонаря. Он тоже остановился. Свет фонаря освещал его. Это была фигура с экрана: кепка, лицо – через дверцы поднятого ворота и крадущаяся сутулость...

А когда он спрыгнул с блина морозного света, нырнув в трясину метели и ночи, я догадался. Тот самый, что шептался с Ниной... Может быть, это ее «Васька с кулаками и ножом», как выразился почтенный еврей?.. Или еще кто?

Но, черт возьми, надо и мне убираться от света! Очень я на виду.

Я вглядывался несколько минут в темноту ночи, но разглядеть незнакомца нигде не мог. Буран густел и креп. Точно с неба до мостовой опустилась черная тюремная стена, и в снежных решетках за черными окнами выли и пели во всю ее высь незримые узники...

Плоско тускнеет Марсово поле. Раскаленные капли висят на подсвечниках-маяках.

Я иду по кромке теней. Оглядываюсь по сторонам... Даром, из одного лишь желания проводить меня в мороз и вьюгу, этот субъект не покинул бы уютный ресторанный столик. Но кто он? Полоумный ревнивец? Но в трамвае со мной ехал он раньше нашей ресторанной встречи... Разве бандит? Но зачем?..

«Черт возьми, – разрывается моя слепота. – А Максаков?.. Это клевет его ходит за мной, чтобы ухлопать втихомолку, чтобы завладеть вожаемым планом...» Тут я начал соображать, куда он скрылся. Он здесь, он крадется за мной на расстоянии фонарного интервала, обходя, как и я, световые поляны.

Наконец-то опять галерея улиц и предел пространству, в котором движешься, как голый!

Проехал пустой извозчик. К нише ворот прирос часовой в тулупе.

Неужели отстал мой спутник?.. У дверей Эрмитажа я свертываю в переулок, чтобы сократить путь к Неве.

Угол забвения. Темень. Дворцы и сугробы стиснули русло Канавки. Замерз в изящном изгибе горбатый мостик.

Вот он опять! Я остро вздрагиваю и чуть не вскрикиваю. Мутная фигура, отшатнувшись от стены, снова западает в тень.

8

Просыпаясь утром, я сразу хватаю блокнот. В нем адрес Грингофа.

Тают при солнечном свете ночные угрозы. Я весел и даже пою, одеваясь.

– Ты, батюшка, билет-то переменишь? – пристаёт ко мне старуха хозяйка. – Ступай, да без документа, гляди, и не ворочайся! Не пущу. Соседка вот так сплоскала, дак ее...

– Устроим, мать! – успокаиваю я. – Документик обменим и так заживем, как в раю!

– Ох ты! – сомневается она. – Райский!

Всплывает солнце. Промерзла до розовой хрупкости даль, и вкусно, дымком, угарит воздух. Тут немного и от торфа, и от деревни. Не хватает только петушьего зова.

Город скрипит шагами и трамваями. Я стою у подъезда лаборатории. Нажимаю несколько раз кнопку звонка. Долго жду, но никто не идет. Я топчусь в беспокойстве. Неужели и за этим стеклом опять пустота?

Но вот вижу, как не спеша подходит старик швейцар. Я подтягиваюсь, стараюсь казаться спокойным, добродушным, ничем здесь особенно не заинтересованным человеком. Будто просили меня зайти, ну – выдалось свободное время, вот и зашел. Очень вежливо говорю:

– Могу ли я видеть... барона Грингофа?

Это выговариваю совсем как шутку. Улыбаюсь.

Швейцар медлит, будто приценивается – сперва к моему костюму, потом к лицу.

– А зачем он вам нужен?..

От души отлегло! Я боялся, что он просто захлопнет дверь, услышав такой допотопный титул.

– Меня послала его знакомая.

Швейцар сторонится, пропуская меня, и указывает:

– Под лестницу, налево дверка.

Мне открывает небольшой человечек. Очки, как у сельского дьяка, влезли на лоб. Вопросом поднялись сборки морщин. Седая бороденка тычется в меня по-петушьи – храбро.

– Барон Грингоф? – деликатно спрашиваю я, снимая шапку.

– Иван Эдуардович Грингоф, – с ударением рекомендует старичок.

Я мнусь.

– В чем дело? – нетерпеливо притоптывает он.

– Я хотел бы сказать вам пару слов...

– Войдите и закройте дверь. Теперь не лето!

Комнатушка крохотная, вся собралась в одну точку электрической лампочки, повисшей над столом. Под лампой разложены щипчики, молоточки – немудрая мелочь часовых мастеров.

Старичок нагибает лысую голову, точно боднуть собирается лампу, и ждет. Глядит как-то сбоку и остро.

– Чего вы хотите?

Вот оно, мое испытание!.. Начинаю я со случайного своего пребывания в городе. Говорю как можно мягче, боюсь раздражить. Говорю литературно – на столе у него лежит физика Хвольсона.

Когда я договариваюсь до базара и рассказываю про находку книги, он нервно передергивает плечами, на ощупь хватается трубку, втыкает в рот и забывает зажечь. Я умолкаю и жду приговора.

– А позвольте вас спросить, – выдергивает он трубку, – кто вы такой и почему интересуетесь... этой женщиной?

Он волнуется. Он почти враждебен. Неумелое слово – и все полетит к чертям!

Я отвечаю, как могу – деликатно, вероятно, с искренним сочувствием к самому себе:

– Я знал ее еще девочкой, там, на прииске, а потом, за событиями, потерял...

– Так вам и надо! – с неожиданным озлоблением говорит он. – Потерял! Вы не один, милостивый государь, потеряли! Только – некоторые попушением божиим, а вы по своим заслугам...

И в безумии, яростно уличает:

– Я вас узнал! Меня не обманете!

Последняя надежда договориться рушится. А старик совсем разошелся:

– Берите, описывайте! – кричит он, распахивая рваный пиджачишко, и вдруг испуганно заключает:

– Ага, это она подслала! Она...

Человечек бросается к ящику стола. Через плечо летят бумаги, конверты, грохается на пол тяжелый Хвольсон. Дрожащие руки выхватывают фотографию и раз – пополам! Обрывки – в меня!

Я подымаю обе половинки. Старик визжит, в припадке топая ногами:

– Вон, вон уносите! Чтобы и духу не было!

Потом, задохнувшись кашлем, хватается за грудь и смолкает. Валится на табурет. Устало и тихо, по-ребячьи, плачет.

Я стою и не знаю, что делать. То ли мне уходить, то ли помогать больному.

Но помощь уже входит. Жена швейцара и он сам, укоризненно качающий головой:

– Эх, гражданин... Зачем дразнить старика?

И вот я опять стою перед выходной дверью, за спиной швейцара, шарящего ключом по замку. И жалуюсь ему – первому, оказавшемуся возле меня человеку:

– И плохо же мне... Я так надеялся...

– А это что? – подмечает он половинки карточки в моих руках.

Я отдаю ему остатки фотографии и мельком вижу молодую женскую головку.

– Ишь, разодрал! – усмехается швейцар.

Я точно просыпаюсь. Выдергиваю назад обрывок и читаю на обороте: «Ирина Макарова».

Макарова – ведь это настоящая ее фамилия, по отцу!

Я сжимаю руку швейцара так, что он испуганно отшатывается.

– Вы знаете ее?..

Он озабоченно улыбается. Но видит, что в лице моем опасного нет, что сейчас я даже слабее его, что я просто чудной, и отвечает:

– Понятно, знаю.

– Товарищ, – говорю я хрипло. – Выручи, мне надо ее отыскать, она мне родная!

– Вот чего! – удивленно успокаивается он. Глядит на меня добродушно и даже с сочувствием. – А я-то думаю, чего это вы растревожились?

– Да-да! – горячо открываюсь я. – Я очень тревожусь. Как мне узнать ее адрес?..

Он назвал мне улицу и номер дома... Эх, какой свет загорелся в моей голове!..

Швейцар со старческой словоохотливостью поведал мне и кое-какие подробности. Он даже отошел от двери и вынул коробочку с табаком.

– Старичок этот был компаньоном Рудакова. А теперь у него, – крутит он около лба, – не все дома! А Ирина Михайловна хорошая девушка...

– Да? – с восторгом вставляю я. – Хорошая?

– Жила она, как воспитанница, у Грингофа. А потом ушла от него. Как ножом отрезала – ничего Рудаковского ей не надо! Понятно. Молодая она и живет по-молодому, по-новому. Учится сейчас. Хорошая барышня, самостоятельная!..

– Почему же на меня Грингоф обозлился?..

– Это находит! Обидело его наше время, вот и злится. На нее тогда пуще всех лютеет. То уж сказать, недавно собрал кой-какие вещички, от приемной матери Ирины Михайловны у него оставались, все собрал дочиста – на барахолку продал!.. А потом убивался. Карточку тогда сохранил на память, а теперь вот...

Я ничего не сказал ему, а только крепко пожал руку. Когда был уже на пороге, этот добрый человек остановил меня и, оглянувшись, быстро шепнул:

– А вас тут ищут!

– Кто?!

– Думаю так, что вас... За час перед вами какой-то зашел и справлялся – не был ли кто? Говорил про обличье, на вас похоже...

9

Днем не видно моих преследователей. Они, как ночные звери, появляются только в сумерках. А вернее, пожалуй, я попросту их не замечаю. Мне сейчас не до этого. Безумная радость сорвалась с цепи и бунтует во мне, переворачивая все доводы рассудка. Иначе я был бы благоразумнее и не шел бы открыто среди белого дня к человеку, которого могу жестоко подвести своим визитом. Предостережение швейцара чего-нибудь да стоит!

Может быть, от базарной торговли эти таинственные «они» узнали, что я приду к Грингофу, и уже заранее стерегли меня?..

Но радость моя не мирится с мрачными думами. Они перегорают в ее огне, и сами начинают сиять лучами смеха.

Вот подойду к милиционеру и скажу ему:

– Товарищ, ты знаешь, какое забавное недоразумение стоит за моей спиной?!

И сейчас же все милиционеры и начальники их так и покатаются от смеха, узнав, в чем дело. И, конечно, всемерно помогут мне в моих поисках...

Улыбаюсь, как глупенький, и шагаю вперед.

Как я мог позабыть, что фамилия Ирины – Макарова? Впрочем, это вина Анисьи Петровны. Она позабыла напомнить мне об этом.

В ее представлении Ирина, должно быть, осталась маленькой девочкой, к которой просто не шла фамилия, отдельная от приемных, а все же родителей...

А каким простым и коротким путем я мог бы ее отыскать!

Но все хорошо, что имеет хороший конец!

Наконец я у цели. Этот дом и эта дверь... Звонить или нет? Тоскует сердце. Сколько раз напряженнейшие мои надежды рассыпались прахом...

Дверь отпирает девушка. Круглое и свежее лицо ее полускрыто накинутым платком.

– Мне надо Ирину Макарову.

– Это я, – отвечает девушка.

Какой подарок... За все мои муки!

– Чертовски хорошо! – И я лезу в сени.

– Что хорошо? – удивляется девушка и смущенно уступает мне дорогу.

– То, что я вас отыскал. У меня письмо от Анисьи Петровны.

– От какой Анисьи Петровны? – вдруг пугается она.

Никогда я не видел, чтобы тени и свет, в мгновенной смене, так быстро пробежали по человеческому лицу...

– С приисков, – договариваю я.

Она делает резкое движение.

– Дайте сюда. Или нет... идите в комнату!

Мы быстро идем мимо кухни. В полутьме коридора она крепко держит меня за рукав, точно боится, что я вырвусь и убегу.

В комнате я молча сажусь на стул и жду, как был, в полушубке, не снимая ушастой шапки.

Она у окошка читает письмо. Перепрыгивают голубые глаза по ступенькам строчек. Взмахнут козырьком пушистых ресниц и перепрыгнут... Чуть дрожит подбородок. Колеблются листки письма в тонких пальцах.

Тикают часы. Торжественная тишина.

На стене портрет Ильича. Висит расписание занятий. Яркий физкультурный плакат. Веер открыток – артисты в разных позах. На столике зеркальце, граненый флакон духов и книги. Пачка книг на стуле и раскрытая – на кровати.

– Ах, как чудно! – восклицает девушка и роняет письмо.

Глаза ее блестят. В прыжок она подлетает ко мне и трясет за плечи:

– Ну снимайте же! Ну снимайте же свою шубу. Хороший мой гость!

– Вот какая Ирина Макарова, – с удовольствием говорю себе...

– Удачно же вы пришли! – ликует она. – У нас никого, и день выходной. Солнце мое, тетя Аниса!..

Ирина не знает, как выразить свои чувства. То уронит голову и трясет густыми, стриженными волосами, то встрепенется и бьет в ладоши.

– Вы, наверное, хотите есть? – вдруг решает она и вскакивает, но тут же садится опять. – Нет, я буду совсем серьезной. А то вы не знаю что вообразите обо мне!

Она полна самой неподдельной искренности. Я люблю девушкой и горд за наших, за прииск, откуда она пришла.

– Ах, если бы я могла вам помочь! – загорается снова Ирина полчасом позже.

На меня она смотрит, как мне кажется, почти с благоговением. Перед нею ведь сидит заговорщик!

– Мы должны отыскать тетрадку! – настаиваю я. – И тогда план разведки превратится в громадную ценность!

– Пойдите, – прерывает она, когда я упоминаю о Максакове, и хватает меня за руку: – Он смуглый, толстый, похож на цыгана?

– Ну да!

– Я знаю его! Он не раз приходил к Грингофу! Мне кажется, что Грингоф боялся его...

Из бега коротких слов ее я многое узнаю. Приехав в Ленинград, Рудакова вскоре умерла. Ее родственник, компаньон мужа, странный Грингоф, приютил Ирину... Теперь она независима, ученица драматической школы, комсомолка.

– А книги? – вспоминает Ирина, и глаза ее сияют, как синие звезды. – Книги и многие рукописи Рудакова сданы в библиотечный фонд... Вы не знаете этого фонда? Это какой-то книжный коллектор при Губнаробразе... Грингоф боялся держать у себя рудаковскую библиотеку. И он все сдал в прошлом году... Владимир Сергеевич, милый, не там ли сафьяновая тетрадь?

– Пойдите, Ирина! – вскакиваю теперь уж и я. – Мы отыщем дорогу к этому фонду. Есть у вас телефон?

– Телефон в коридоре.

Я нажимаю кнопку «А» и говорю номер. Мне отвечает докторский баритон. Кричит:

– Узнал, узнал! И очень рад. Когда придете?

– Серьезнейшее дело, доктор. Как мне попасть в библиотечный фонд? Там оказались книги, прямо бесценные для нашего прииска...

– Попасть нетрудно, коллектор на Фонтанке.

Ну что за милый человек! Он добавляет:

– Сейчас идете? Я позвоню. Меня там знают, и вас допустят осмотреть...

– Ирина, все готово, – тихо и торжественно шепчу я.

Она уже знает, что отказа ей не может быть, и говорит нетерпеливо:

– Тогда идемте!

10

О, как я был силен! Как сказочно обростал я друзьями, превращавшими угрожающую пустыню города в цветущий сад!

Еще утром вчера я был один. А сейчас и славный доктор со мной, и эта милая краснощекая девушка, нога в ногу торопящаяся за мной.

– Иван Григорьевич! – мысленно кричу я в пространство. – Скажи ребятам, что мы не спим!

Дом на Фонтанке – облупленный, в беспризорности опаршивевший особняк.

Вбегаем в ворота. Поднимаемся наверх. В валенках проходим по стертým, утратившим блеск паркетам.

Холод. Люди в пальто и в шубах. Шкапы из красного дерева, запотевшие от мороза, и ценные, золотом блещущие книги.

Просто вершились тогда дела! Едва назвал я фамилию доктора, как юноша, сидевший за столом, готово кивнул головой: пусть мы скажем, что нам угодно.

Объяснялась Ирина. Она долго хлопала по столу ладонью, ужасаясь непонятливости собеседника. Но своего все же добилась.

– Здорово померзнете, товарищи, – предупреждал нас заведующий. – И, может быть, не один день, потому что книг у нас очень много!

Нам пришлось направиться в соседний дом. Темные двери квартиры первого этажа и были входом в коллектор.

Заведующий снял печати и просто вручил мне ключ:

– Когда кончите, – заприте и передайте наверх... Возьмите немного дров. У камина лежит бумажная макулатура, ею тоже можно топить!..

Когда он ушел, мы взялись с Ириной за руки и, как ребята, стали плясать и хохотать. Славно устроились!

...Ну а теперь за дело скорей, скорей! Пройдут минуты и, может быть, я решу загадку сафьяновой тетради, книжечки в красном, с золоченою буквой «Р»... Ирина ее не знает...

С чего начинать? Заведующий показал нам комнаты с неразобранной литературой. Пожалуй, здесь и надо искать.

Мы беспомощно стоим перед горами книг. Тома рядами затиснулись в стойки. Краснеют и блещут потухшими корешками. Лентами этажей, от самого потолка, разграфляют стены, осыпаются вниз грудой листков и обрывков.

И новая дверь, обрамленная кипами, – узкий проход среди толщ фолиантов в новую залу.

– Как страшно, должно быть, здесь ночью, – говорит Ирина. – Эти книги похожи на замерзших людей...

В двойных рамах скучают окна, посерелые от пыли. И воздух здесь неподвижный. Такой же сосредоточенный и полный, как и эти книги. Он полон запахом старины, тлением бумаги.

– Здесь действительно не жарко, – говорю я, очнувшись от первых впечатлений.

Мы решаем осматривать полку за полкой, вынимая книги только в красных переплетах. Ирина берет себе правую сторону у окна, я – левую.

В сосредоточенном молчании идет работа. Глухо шлепает вырывающийся иногда из озябших пальцев том.

Ирина ищет упорно... У меня уже давно замерзли ноги. Я танцую на табуретке, дую в остуженные руки. А она, закончив полку, роется на полу, разбирает осыпавшуюся груды.

– Мы должны отыскать! – говорю я себе, и перехожу в следующую залу.

И опять бегут минуты. Внимание мое утомляется, морозная дрожь пробегает по телу.

– Затопим камин, – решительно предлагаю я.

– Давайте, – соглашается Ирина. – Я сбегая за дровами, немножко погреюсь!

Когда я отворял Ирине дверь, то заметил, что нижняя филенка у двери выпадает и прихвачена изнутри всего лишь двумя гвоздями.

И тут я подумал: ну чем плохая квартира, эта библиотека? Немного холодно, но зато спокойно. И вправду – это прекрасный выход из бездомного моего положения!

Я отогнул сейчас же гвозди. Филенка вынималась свободно. В открывшийся проход можно было без труда влезть снаружи. Благо, что и швейцаров никаких нет!

Я вложил доску обратно и забил пазы бумагой. Но не замерзну ли я здесь?..

Впрочем, мне случалось ночевать и в тайге зимой. И у костра было вполне терпимо.

А тут камин. Мне нужно только обеспечить его топливом. И все!

Я окончательно прикидываю – да, все в порядке! База есть. Я победил. И беспаспортность свою, и перспективу длинной, бесприютной ленинградской ночи, и таинственных преследователей...

11

В темной внутренней комнате затапливаем камин. Он слишком широк для нескольких сиротливых поленьев, слишком богат для всей обстановки – с фигурным узором решетки, с мраморными крыльями закоптелой облицовки.

Мы сидим перед камином на полу, на мягком ворохе газет: подошвы к огню и пальцы к огню.

– Не забуду я этого дня, – мечтательно говорит Ирина и смотрит на пламя. – Мне хочется драться, бежать... Взбудоражили вы меня. Только бы отыскать!

– И отыщем, если не помешают!

– Кто помешает? – вспыхивает она. – Максаков? Пусть только встретится... Я узнаю его из тысячи!

Горячая ее головка никак не мирится с возможностью моего ареста. А я намекал на это.

– Да вы понимаете, что, похитив план Буринды, я нарушил закон?

– Не для себя вы похитили! И нет такого у нас закона, который был бы на пользу классовому врагу!

Вот и поговорите вы с ней!

– Идемте продолжать, – обиженно встает Ирина.

Мы работаем долго.

Я замечаю, что чем более я устаю, тем сильнее мне мешают книги. Тогда нужны усилия, чтобы стряхнуть их странное колдование.

Они интригуют содержанием, пленяют форматами, отвлекают красотой рисунков.

Здесь и томики путешествий, мелкие, как молитвенники, и огромные атласы старых времен. Изображения людей, напоенные мистикой Средневековья, фигуры, которых страшатся дети.

– Владимир Сергеевич, идите сюда! – звонко выкрикивает Ирина. И стоит, перелистывая книгу.

С улыбкой, молча, она открывает передо мною страницу.

Знакомый штамп! Опять «Розенфельд», опять его многоговорящая печать...

– И здесь! – Наугад я вытаскиваю книгу.

– Да вся полка! – вскрикивает Ирина. – Мы нашли рудаковскую библиотеку!..

Дверь давно уже гремит от настойчивого стука. Появляется сторож.

– Время кончать, товарищи! – командует он. – Сейчас запечатаю двери.

Черт побери, придется кончать, когда начинается самое интересное!

12

Мы стоим на улице и ждем трамвая. Ирина вдруг огорчается, туманится, едва не плачет.

– Я не смогу с вами завтра работать. У меня с утра занятия. А вечером во дворце литераторов я выступаю в драмсекции. Вот бы пришли! Я была бы так рада...

Я даю ей номер докторского телефона. На всякий случай.

Я обедал в столовой. Чай пил в кафе. Вообще – старался разнообразить время.

На квартиру к себе я решил не ходить. Это было опасно. А теперь заглядываю на часы в окне магазина, вижу – восемь.

Мне следует торопиться.

Только теперь, в несонное и людное еще время, я могу рассчитывать на беспрепятственное проникновение в библиотеку.

Шагать мне еще далеко.

Я захожу в магазин, чтобы купить еды на ужин. Покупаю еще две свечки, чай и жестяную кружку. На морозе так славно погреться чаем!

Когда я распаиваю на улицу дверь, мимо лавки проходит человек. Весело поглядывая по сторонам, я шагаю за ним, поудобнее подбирая свои покупки. И вдруг чувствую нечто знакомое в движущемся передо мною коротком пальто, в поднятом воротнике, в нашлапке

кепи... Да это же тот, вчерашний, который преследовал меня ночью! Во всей манере движений, в затаившейся под спокойной походкой ожидающей напряженности... Это был он!

Он шел неспроста. Наша встреча не могла быть случайной.

Я оглядываюсь. Тротуар пустынен. Улица впереди пересекалась с другой – ярко блестящей. Там ходят люди. У меня пустеет в груди при мысли о скандале. Всякий пустяк, который заставил бы меня, беспаспортного, столкнуться с властями – был бы гибелью для моих планов. И никогда не казался мне таким могущественно опасным простой милиционер или дворник, как в этот момент.

Я иду и соображаю, что делать? Искушает отстать, повернуть, перейти на другой тротуар. Но нас на всей улице двое. И я знаю, что, как только в ритме моих шагов он почувствует перебой, малейшее отступление, он сразу же обернется и тогда... тогда может быть шум.

Я упорно иду не скорей и не тише, и знаю, что там, у светлого перекрестка, наша встреча почти неизбежна...

Ему незачем терять наблюдательный пост, незачем затираться в толпу. Он, конечно, повернет назад, чтобы встретиться лицом к лицу...

Впереди, через панель, перекинулась скатерка света, выпавшая из окон пивной. И здесь я замираю! Мой шпик, этот безмозглый, беспечный осел, поравнявшись со светом, в десяти шагах от меня, вдруг остановился, подумал и ввалился в пивную. И передо мной – свободный путь!

Я мгновенно меняю курс – через улицу, к другой стороне. Прохожу, тороплюсь и сам себе не верю...

Не заметил, как отмахал половину пути. Перехожу теперь снеговую ширь Невы и попадаю на центральную, шумную улицу. Здесь я снова болезненно ощущаю опасность. Оттого ли, что слишком уж быстро пережитое возвращается в меня прогорать и обугливаться, или просто я психически устал от двухдневной трепки, – я чувствую острое беспокойство.

Везде мне мерещится глаз скрытого наблюдения. За мной словно тянутся невидимые нити, по которым кто-то идет, следит, догоняет. Я подозрительно замечаю лица прохожих и ускоряю шаги.

Это был приступ настоящей мании преследования!

Я ни за что не решился бы зайти теперь в магазин. Всякое помещение представлялось мне тупиком, из которого не было выхода. А моя библиотека!.. Почему-то она остается единственным местом, в крепость которого я верю.

В многолюдии было очень страшно, и, к счастью, пришлось свернуть. Резко шум сменился тишиной. В молчащей полутьме домов я, успокоенный, немного остановился. Соображаю: улица двоится каналом, значит, через несколько кварталов по моей стороне будет библиотека. Совсем успокоившись, я вспоминаю о своем плане чаепития и решаю захватить с собою снега. Вывертываю карманы, отряхиваю их от крошек и, сняв перчаткой, крепко жму в комки чистый, скрипучий снег.

Стою у моста, каменным ящером перегнувшегося на ту сторону. Мошками реют огоньки фонарей другого моста, подальше, против самой моей библиотеки. В направлении, откуда я пришел, приближаются две фигуры. Спешат два пешехода...

Я сразу настораживаюсь. Нервная дрожь пробегает по спине. Не задумываясь, я бросаю свою работу и тороплюсь через мост. Мимо ряда домов, к рассыпавшемуся безобразной горою зданию.

Узкая дорожка, протоптанная в снегу, поднимается вверх, к самому гребню руин. Хорошее место для убежища!

Я лезу по тропе, спотыкаюсь о кирпичи. По бокам зияют провалами ямы. Наверху тропинка разбивается: одна уводит в мрачную глушь разрушения, другая, пройдя по хребту, спускается на улицу.

Отсюда мне видно, как движутся люди через мост моей дорогой. Припадая к земле, я сбегаю по тропинке к панели и жмусь к полуобвалившейся стене.

Через минуту все станет ясно. Если пройдут мимо этих развалин, как ходят все, то я ошибся. Если нет...

Но шаги спешат! И останавливаются, как почуявшая след собака.

Ветерок наносит неясный говор, и я слышу, как люди начинают взбираться вверх, по кирпичной осыпи. Поднимаются и... за мной!

Я выскальзываю из-за стенки и бегу, прижимаясь к домам. А потом открыто, что было сил, бросаюсь вперед, к гирлянде мостовых фонарей...

Когда, задыхаясь, я схватываюсь за перила, то те, двое, уже мчатся серединой улицы.

Но я обогнал их далеко. Рядом чернеет пещера знакомых ворот. И судьба раскрывает мне двери настежь!..

Я пробираюсь в тени к подъезду и вхожу в темноту. Ощупью, рискуя выколоть глаз или разорвать свои чудом сохранившиеся еще покупки, я нахожу заветную дверь.

Приседая на корточки, осторожно жму на нижнюю правую филенку. Она не поддается. А сердце мое колотится снизу, будто из-под пола...

Я жму сильнее, филенка сразу глухо ахает, там, внутри.

Помню запах книг и тлена, охвативший меня. Помню, как, уже забравшись, я боялся зажечь спичку...

Потом я сидел в полусне, прислушиваясь к звукам со двора через дрему уставших чувств.

Слышал, как с шумом вошли в подъезд, на дверную площадку. По двери моей разбежались светлые трещинки – рядом зажгли спички. Слышал, как устало дышали люди. Всего лишь одна тонкая дощечка отделяла нас!

– Ни черта! Надо наверх! – сказал кто-то из них.

Затопали по лестнице, перекликаясь. Мучительно тянулось время... А слышанный голос был мне очень знаком. Не мог лишь заставить себя припомнить, чей он. Да и некогда было, они уже спускались вниз и снова подошли к моей двери. Она дрогнула и тряхнулась... И, бесспорно, голос Максакова предостерег:

– Тише вы, печати сломаете!

Я едва не вскочил.

Другой ответил с досадой и грубо:

– Коли бегать не можешь, нечего и соваться! Знаешь приказ – сегодня поймать!

– Да я же стараюсь, товарищи, все время с вами хожу, – голос Максакова был робким и заискивал. – Его перед выездом нужно было схватить... Не успели! А здесь, в Ленинграде, я на него наскочил... Запомните: это моя заслуга!

– Ладно трепаться-то... Говорил тебе, дальше пробег! Идем...

Они ушли, хлопнув дверью. Я удовлетворенно вздохнул, – теперь я знаю все!

Горячий камин и логово на газетах. Тени и свет пятнают бесшумными пальцами стены... На углях варится в кружке чай из темной, снеговой воды.

Я по-животному счастлив. Ем с огромным аппетитом. Горячий чай чудесно помогает огню камина!.. Главное же, никуда мне не надо бежать. Здесь я вполне гарантирован от всяких бед до утра, до завтра.

От этого все заботы мои точно сложили крылья и, как летучие мыши, повисли вокруг камелька, все на глазах и наперечет.

Выбираю самую близкую и начинаю ее ворошить:

– Завтра, в обед, уходит мой поезд – как поступить? Всего полчаса, как я слышал приказ – сегодня поймать! Зачем же мне ехать? В этом ли городе, в том ли, меня одинаково

ожидает одна и та же участь. Личное мое благополучие неразрывно спаяно с общим нашим делом. В этом и трудность, в этом и утешение...

Никуда я не поеду отсюда! Я просто продам билет, тем более что денег у меня почти не остается.

Вторая забота: как разорвать кольцо нелепой блокады? Но утро вечера мудренее! Есть еще неиспользованные возможности. Я не ставил этот вопрос перед доктором. Отзывчивый и милый, он, вероятно, мне чем-нибудь поможет...

Еще у меня есть друг – Ирина. Но мне не хочется вовлекать ее в явную опасность. Самое худшее – это то, что мне не удастся завтра попасть сюда. Здесь, конечно, будет засада...

Я смотрю в темноту безлюдных комнат. А что если попробовать ночью продолжить мои поиски?.. Нет, я слишком устал.

Уже догорают поленья, разламываются в нежном звоне, мерцают жарко, синеют сном. Вспоминаются пихты, подпирающие головами ночное небо, и костер, полыхающий в тайге. Прииск мой, прииск! Там, на производстве, я был человеком. Но... я останусь таким и здесь, что бы со мной ни случилось!

Камин загудел, точно сверху приложились к трубе мутные, толстые губы неба и хотели насквозь весь дом пропеть невнятным зовом... Под музыку эту я думал, накрывшись полубубком. В преддверии сна завтрашние задачи теряли свой вес и трудность, все начинало казаться легким и доступным.

Засыпал я, внушая себе: не проспать. Было бы чудовищно глупо, если бы назавтра меня извлекли отсюда, как суслика из норы.

13

Рано поутру мороз и жжет и сушит. В это раннее время улицы совсем пусты, будто ночь забрала с собой всю людскую толпу, улетела и канула вместе с нею.

Становилось светло, и бледными ландышами догорали шары фонарей. На Васильевском острове попадались группы рабочих. Они шли в промасленных куртках, жесткие, четкие – гвардия утра.

Пробило шесть, и на разные голоса из-за крыш закричали гудки заводов. То басистые, толстые, как столбы, то, как спицы, тонкие и пронзительные.

В этот час моя квартирная хозяйка уже бывала обыкновенно на ногах и по-деревенски рано затапливала печку. На это я и рассчитывал, решив зайти предварительно к ней и пробыть у нее до тех пор, когда можно будет направиться к доктору.

От вчерашних денег у меня осталось – рубль десять копеек. С этой горсточкой серебра я иду на приступ хозяйкиного сердца.

Дверь. Распахиваю без видимого смущения.

– Вот вам, мамаша, рубль! – приветствую я ахнувшую от неожиданности старуху. – Сегодня я опять ваш жилец!

– А... документ? – спохватывается она.

– К обеду будет готов. Вчера весь день писали!

Старуха растеряннo ежилась. Она смотрела то на меня, то на рубль. Корыстолюбие, однако, перетянуло.

– Где же ты ночь-то, батюшка, шлюндрал?

– У хороших, мамаша, знакомых ночевал. На постели! Но сейчас мороз, не приведи бог! И я не ручаюсь, целы ли мои уши...

– А ты на-ко, суконкой потри, – совсем сдается она, – а я самоварчик налажу...

Большого я не мог и желать!

Но все-таки доверяться старухе особенно не годилось. Мало ли что могло взбрести в ее заполошную голову? По вопросу обо мне она, например, могла обратиться к консультации дворника...

Аллах с ней, впрочем! До девяти-то часов посижу в тепле и спокойно. Только очень хочется спать, потому что в библиотеке был и не сон и не бодрствование.

Там я дремал, словно привязанный к железному стержню, а стержень этот был мыслью об утре.

Я очень удачно выбрался из библиотеки. Правда, долго не мог закрепить за собой выпавшую из двери доску.

В этих воспоминаниях я и заснул. И спал, пока меня не разбудила хозяйка с самоваром.

– Вон у каких знакомых ты ночевал! – посмеивалась старуха. – У знакомой, должно быть!

Но мне не до шуток. Состояние такое, что дальше один я оставаться не могу. Я нуждаюсь в совете, спокойном и мужественном.

Издерганный непрерывной тревогой и предоставленный самому себе, я могу совершить непоправимые ошибки. А положение все ухудшается. Максаков обманом заставил поверить себе, и теперь ему помогали власти. Каждый бесполезно пропущенный час приближает мой конец и корыстный триумф моего врага.

А часы идут, особенно сейчас, когда доступ в библиотеку отрезан.

И вот я придумываю фантастический, дикий выход. Если нельзя работать в библиотеке днем, я заберусь туда ночью! С потайным фонарем, как вор, я обшарю все полки. И – либо уверюсь, что тетради там нет, либо найду ее!

А сейчас пойду к доктору. Открою ужасное свое положение и – будь что будет!

14

В прихожей у доктора – полусвет-полутьма... Во мне начинают бороться два чувства – сказать ему все или остеречься?

Может быть, подождать?

Доктор выходит с упругим скрипом подошв, бодрый и безмятежный. Сперва он меня не узнает, потом весело удивляется и остается очень доволен. Усаживает меня в кресло.

– Я совсем было вас потерял. Да что это, батенька, с вами? Вы нездоровы?

– Н-нет... ничего, – смущаюсь я.

– Не врите, мой милый. У вас провалились глаза. Что я скажу нашему сибирскому другу?

И рушится мое упорство перед ласковым вниманием этого человека. Я сознаюсь:

– Кажется, доктор, я попал в плохую историю. Я расскажу ее вам, потому что мне не с кем больше поделиться.

В моем голосе горе, поэтому он хмурится и шумной серьезностью помогает мне.

– Разумеется, расскажите... Конечно же!

И я повествую подробно, начиная от прииска и кончая вчерашней ночевкой...

Доктор курит папиросу за папиросой. Отбрасывает окурки в сторону, глядит на меня удивленно, блестящими через дым очками. Постепенно в слушание вовлекаются его губы. Они мнутя улыбкой. Потом ерзает по бумагам кулак. Чувствуется, что Максакова он уже ненавидит.

– Ловкий прохвост! – замечает он наконец. – Но, знаете, для вас это может кончиться худо...

– Пусть, – соглашаюсь я, – только бы отыскать тетрадку! Вы понимаете, что мой план без нее, без пояснений, – никому не нужная бумага!

Доктор подходит к окну, стоит широкой спиной ко мне, постукивает по стеклу. Потом шагает по кабинету и говорит, словно сам с собой:

– В здешнем тресте потолковать?

– Не захотят и слушать, доктор! Вероятно, искренне верят, что я мошенник, укравший план...

– Гм... – Доктор переводит на меня невидящие глаза. По лицу его чувствую, что он близок к решению.

– Важно что? – овладевает доктор своею мыслью. – Оборвать эту слежку и помочь вам в поисках.

– О, доктор! Только это и нужно!

– Так, – решительно заключает он. – Я о вас расскажу сегодня авторитетным людям. А дальше, чтобы не испортить дела, вы останетесь пока у меня и не будете высовывать носа на улицу до того времени, когда это будет можно. Согласны?

О чем же тут спорить? Я соглашаюсь.

– Плохо ведь что, – волнуется доктор, – а вдруг ничего не найдется? Какое у вас тогда положение будет?

– А, черт побери! – вдруг вскипает он. – Нечего церемониться с этим Максаковым! Вы говорите, Ирина Макарова знает его в лицо?

– Да, знает...

– Дайте мне ее адрес!

Я называю ему дворец литераторов.

Закончив дела, мы идем обедать. Доктор предоставляет мне весь кабинет. В нем я и буду жить. Он даже послал продать мой билет, и через час мне приносят деньги.

Я чувствую себя маленьким и эгоистичным перед ясным благодушием этого человека.

15

Окна мягко проваливаются в сумерки, в вечер.

Я сижу на широком кожаном диване. Доктор давно уехал. Солидно молчит кабинет.

Я сижу, погруженный в мягкость подушек и в жесткие свои мысли. Невидимый стол звонит невидимыми часами семь раз. Я включаю штепсель. Машинально беру с этажерки книгу. Наталкиваюсь на фамилию знакомого мне сибирского писателя Антона Сорокина.

Перелистываю и позевываю беспокойно. Так в нервной зевоте тоскуют иногда ожидающие собаки.

Вдруг я вскакиваю и начинаю собираться. Навязчивая моя мысль одерживает победу!

Я делаюсь настороженным, возбужденным, почти веселым. Как я мог согласиться на пассивное ожидание! Как, рискуя своею судьбой, я решился вовлечь в авантюру и доктора, остаться в его квартире, при своем нелегальном положении?

Пойду сейчас в библиотеку и продолжу поиски... А если путь туда будет закрыт?.. Тогда... тогда я попробую отыскать во дворце литераторов Ирину. Предупрежу ее. Пусть она ищет сама, если меня заберут. Пусть постарается за прииск. Пусть недаром ее там помнят!

В записке пишу доктору, куда я пошел. Кладу записку на стол. Звоню, прошу за мной запереть.

Вместе с холодом улицы в меня возвращается вчерашняя напряженная тревожность. Будто не было ни ночи, ни хорошего дня у славного доктора, а само собой, как в кино, после перерыва началось продолжение того, вчерашнего, уличного...

Осторожно подхожу к двери, становлюсь в угол, в тень, и через стекло высматриваю. На улице пустынно.

И все же кажется, что там, за стеклом, бесшумно несется поток невидимых пуль, и высунь только за дверь голову – тебя сейчас же убьют...

Возмущаюсь своим нелепым страхом и заставляю себя выйти наружу. Хочу взять извозчика. Они всегда торчат на углах понурыми силуэтами, но сейчас перекрестки пусты. Я иду к Неве.

Ночь исколота золотым пунктиром огней. Шеренгами уходят мимо и мимо бесконечные невеселые окна. Надо мной повисают шерстины трамвайного провода.

Все это путается, перекашивается, налезает одно на другое и давит кошмаром на мозг.

И когда на другом тротуаре, немного невровень с собой, я чувствую пешехода, то ничто не прибавляется к моему настроению. Даже легче становится вниманию, успокоившемуся теперь на одном предмете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.